

Марина Г. УРТМИНЦЕВА
(Нижний Новгород)

Русский роман XIX века: испытание провинцией

The 19th-Century Russian Novel: the Test through the Province

By the middle of 19 century the Russian novel undergoes a considerable evolution in its attitude to the provinces. If the test of a province in the novels of Pushkin, Gogol and Lermontov was as a distinctive mark of a moral's potential test, and the provincial consciousness (often identical with the consciousness of the common people) was declared as a bearer of a national character's secrecy, then in the followed literary tradition we could see the transformation of the conception of the essence of provincialism.

In the novels of Turgenev, Goncharov and Tolstoy the relocation of the character to the province brings him to his natural existence and his way back to himself passed through understanding the secrecy of the common people's life.

This phenomenological structure of the novel is very typically a different dimension of time and space. It's not as in the capital. In the structure of the narration we could see the dichotomised system of characters, out of order from the real life characters.

The other tendency in the picture of the provinces characterizes the novels of Shchedrin, Leskov and late Dostoevsky's, who had associated the province not with some positive beginning of Russian life but with the mirror which reflected and even more – enlarged the “screwed up face” of Russian reality. The Provincial is becoming a model of life which tests the characters. The space of the character's

consciousness weighted with a space of cultural and moral values of an appointed epoch, accepted or rejected them.

Исследование провинции и провинциального как феноменологической проблемы современной филологии ведется в нескольких направлениях. Описание провинциальной интеллектуальной среды как «привилегированного место пространства» (Фуко, 1994, с. 31), находящегося не на периферии по отношению к центру, а выступающее в качестве коллективного носителя особого мировоззрения (Степанов, 2001), восходит к идеям М. Фуко.

Интерпретация оппозиции *провинциальное/ столичное*, в которой акцентирован личный опыт (горизонт ожидания) автора, его стремление обозначить в оценке явления искусства национальный и местный колорит (Зенкин, 2004), составляет предмет эпистемологического подхода.

В известной степени феномен провинции активизировал направление в современной философии, потребовавшее терминологической определенности – «региональная философия». Им обозначают «мировоззрение, отражающее своеобразную рефлексию по поводу культурно-исторических противоречий с более значимым (для данного региона) духовным центром» (Черепанова, 2000, с.77). Вектор исследования оппозиции столичное/провинциальное ориентирован при таком подходе к решению проблемы иначе – это оппозиция «регион-центр» (Касьян, 2000, Философия, 2003).

Таким образом, можно говорить о существовании определенной методологической базы для проведения конкретных исследований в области провинциальной истории литературы, истории отдельных жанров, а также поэтики художественного текста. Серьезное научное исследование провинции и провинциального только складывается в определенную систему, между тем классический период в истории отечественной словесности, отмеченный безусловным интересом к художественному исследованию русской провинции, создал в жанре романа несколько феноменологических по своему характеру моделей ее представления.

Образ провинции как личное переживание национальных проблем возникает в последней трети XVIII века. В «Путешествии» А. Радищева, антологической лирике Державина, публицистике И. Крылова, комедиях Д. Фонвизина, повестях Н. Карамзина, комических операх Попова и Аблесимова складывались основные жанровые и стилевые параметры изображения провинции. Представление ее как идиллического мира, восходящее к античности, в литературе первой трети века во второй половине XVIII столетия претерпевает значительные изменения (Кожин, 1963, Одинок, 1976). Пугачевский бунт, «бессмысленный и беспощадный», не только поставил Россию на грань катастрофы, но и показал ее нравственную и историческую обусло-

Русский роман XIX века

вленность, сделав предметом изображения такую сферу русской жизни, как провинция, важность которой лишь подразумевалась (Тамарченко, 1997).

Провинциальная действительность (и мир русского крестьянства как его значимая часть) начинают с этого времени осознаваться как социокультурный феномен, требующий определенных художественных способов своего воплощения. В последней трети XVIII века формируются такие жанровые формы эпоса, как повесть (Н. Карамзин), роман (Ф. Эмин, М. Чулков), в структуре которых обязательно присутствовал мотив путешествия, дороги. Он существенно расширял географическое пространство, а также время изображения, что в известной степени символизировало свободу от жанрового «канона» (Аверинцев, 1986). Вместе с тем, перемещение героя из одного пространства-времени в другое начинало приобретать знаковую функцию в сюжете. Оказавшись в чужой для него среде, герой открывал читателю то, о чем он молчал в суеде повседневного бытия (Бахтин, 2000).

Новое открытие мира русской провинции совершается в первом русском реалистическом романе Пушкина «Евгений Онегин» (Лотман, 1980, с.6–7). Оппозиция провинциальное/столичное в пушкинском романе становится основой композиционного решения, а диалог между провинциальным и столичным определяет ритм повествования. Действие центральных шести глав разворачивается в деревне. Игрой смыслов слова «rus» (О, деревня! – Ног.), которое вынесено в эпиграф ко второй главе, Пушкин обозначает не только переход героя в другое пространство, но и отождествляет этот мир с представлением о России. Онегин – персонаж, который одним из первых проходит испытание провинцией: но она остается чуждым для него миром, и в этом кроется одна из причин трагедии одиночества героя, его внутренней дисгармонии. Главные события романа сосредоточены в «деревенских» главах, здесь же подвергаются испытанию модели общественного поведения Онегина, Ленского, провинциального дворянства. Перемещение главного героя через границу «смыслового поля» из Петербурга в деревню определяет систему образов романа, построенную по принципу контрастного противопоставления и сопоставления. Таким образом, провинция в «Евгении Онегине» приобретает и характерологическую функцию, тем самым определяя тенденцию становления поэтики классических форм русского романа, складывающегося уже во второй половине XIX века.

Провинциальная действительность как своеобразное инобытие, предъявляющее высокие моральные и нравственные требования к герою, определяет поэтику романов Тургенева. Лицом этого инобытия становится поэтический образ провинциальной барышни – тургеневской девушки, рядом с которой герой романа – слабый, не способный к действию человек. Несмотря на то, что в идейных спорах Рудина с Пигасовым («Рудин»), Лаврецкого с Паншиным («Дворянское гнездо») оба героя – и Рудин, и Паншин,

одерживают верх над оппонентом, однако только в ситуации «rendez vous» проходит проверку жизнеспособность их нравственных убеждений (Маркович, 1982). Оба героя пасуют перед силой чувства, пробужденного ими в Наталье и Лизе. Та же сюжетная «схема» характерна и для романа «Отцы и дети». Быт и нравы русской провинции испытывают систему взглядов Базарова в спорах с Павлом Петровичем, где герой одерживает бесспорную победу. Когда же Базаров выносит свои суждения в условия реальной жизни (отрицание любви в теории и его любовь к Одинцовой), они чаще всего опровергаются ею. Показательна в этом плане и кульминационная сцена романа – дуэль Базарова с Павлом Петровичем. Она представлена Тургеневым сквозь призму восприятия крестьянина, ставшего ее случайным свидетелем. Прием остранения в данном случае придает сцене ироническую тональность. Напомним, что Базаров неоднократно говорит о своей близости к крестьянству, однако не участвует в «дрязгах» Николая Петровича с крестьянами, погрузившись в свою работу естествоиспытателя, на вопрос Кирсанова о том, что может думать о них мужик, отвечает: «Кто ж его знает... вероятнее всего, что ничего не думает». Базаров чужд не только атмосфере Марьино, но и тому миру, который предстает перед читателем в родном доме героя. Он не «вписывается» в провинциальный деревенский контекст, оставаясь непонятым той среде, близостью к которой он так гордится.

Особая роль в создании образа провинциального мира принадлежит сельскому пейзажу. Все решающие в сюжетном отношении события разворачиваются на лоне природы: у лесного пруда («Рудин»), на прогулке в лесу («Дворянское гнездо»), на опушке леса («Отцы и дети»), в роще («Новь»). Помимо сюжетных функций, пейзажные зарисовки часто выполняют функцию характерологическую. Например, в «Дворянском гнезде» Тургенев создает образ пространства сознания героя путем использования звуковой картины деревенского полдня в XX главе романа. Движение реального времени и образ реального пространства сходятся в одной точке: в сознании персонажа. Пейзаж здесь не фон, а знак возникновения особой атмосферы приостановленного времени: внимание читателя сосредоточено на оценке Лаврецким самого себя, его прошедшее, настоящее, будущее. Используя живописный прием «переднего плана», Тургенев усаживает своего героя «под окном», и образ внешнего мира, к которому прислушивается Лаврецкий, выполняет функцию своеобразного камертона внутреннего состояния героя. То, что видит герой -- это не пейзаж, а пространство его внутреннего мира. В данном случае попытаться определить характер эмоции Лаврецкого - значит разрушить её. Смысл эпизода (выделенного в отдельную главу) постигается только в результате соединения разных смысловых пластов эпизода. К ним относятся детализация звуковой картины внешнего мира («Вот где-то за крапивой кто-то напевает тонким-тонким голоском; комар словно вторит

Русский роман XIX века

ему; сквозь дружное, назойливо жалобное жужжание мух раздается гуденье толстого шмеля, ...петух на улице закричал <...> простучала телега <...> и вдруг находит тишина мертвая...), фиксация предметной сферы ближнего и дальнего планов (вот тут, под окном коренастый лопух лезет из густой травы <...> а там, дальше, в полях, лоснится рожь, и овес уже пошел в трубочку, и ширится во всю ширину свою каждый лист на каждом дереве...»). Через всю главу рефреном проходит определение Лаврецким собственного состояния: «Вот когда я попал на самое дно реки...Вот когда я на дне реки...» (Тургенев, 1954, с.203–204). Образ реки, дважды возникающий в сознании героя, отождествляется с рекой жизни, по которой без сопротивления движется Лаврецкий. Только возвращение в Лаврики, к истокам, дают герою реальную возможность познать себя, а читателю оценить духовный потенциал Лаврецкого, понять истинный масштаб его трагедии.

Испытание провинцией как прием обладает мощным сюжетобразующим эффектом в романе Л.Толстого «Анна Каренина». Образ провинции играет определяющую роль не только в сюжетной линии Левина: не менее значительна его функция в обнаружении внутреннего конфликта Вронского и Анны. Деревенское бытие героев в имении Вронского, где они оказываются после возвращения из Италии, делает особенно заметным несоответствие внутренних нравственных ритмов жизни героев. Их мир ограничен усадьбой, а сужение пространства ведет к накоплению энергии непонимания, возникшего еще за границей. Нравственная энергия Вронского направлена на благоустройство имения, постройку новой больницы, участие в выборах, но все это лишь имитация настоящей жизни, попытка обнаружить смысл в той деятельности, которая чужда ему. Толстой показывает, что деятельность Вронского в деревне не преследует цель обустроить будущее с Анной – для него деревенские хлопоты всего лишь возможность спрятаться от реальности. Толстой постоянно подчеркивает «столичный» характер провинциальной деятельности Вронского: его хозяйственность – маска, скрывающая растущее в нем недовольство собой, Анной, той жизнью, на которую он добровольно обрек себя, поддавшись страсти. Иной психологической мотивировкой отмечен образ Анны Карениной, искренне стремящейся к духовному единению с Вронским. Толстой разрабатывает систему тончайших психологических нюансов, в которых воссоздает поиски героиней путей сближения с «новым», деревенским Вронским. В этом стремлении она постепенно освобождается от искусственной имитации естественного в условиях провинциального бытия поведения, постигая сначала интуицией, а затем и сознательно свою чуждость светскому лицемерию и суете.

Провинция и провинциальное, то есть деревенское, усадебное – ключевые понятия мировоззрения И. Гончарова, с позиций которых оценивался не только русский, но и весь цивилизованный мир (очерки «Фрегат «Паллада»).

Поэтому образ русской провинциальной действительности («Сон Обломова») является не только идейным истоком повествования. Здесь даны основные параметры образа главного героя, определена сюжетная роль фигуры Захара, дана развернутая характеристика патриархального провинциального мировоззрения и образа жизни. В «Сне» впервые появляется образ *обрыва*, символизирующего непреодолимую границу между исконно русской патриархальностью провинции и современной буржуазной Россией. Впоследствии этот конфликт, намеченный в «Обломове», определит сюжетную структуру и систему образов последнего романа Гончарова «Обрыв». Повторяющиеся сновидения (грёзы) Обломова об усадебном «рае» создают поле особого напряжения и значительно усложняют семантику образа провинции: сон (замедление основного повествования) – своеобразный уход героя от реальности не только петербургской, но и провинциальной. Гончаров, искренне симпатизируя Обломову, показывает, что возвращение в прошлое невозможно. Важным аргументом в этом отношении становится образ Захара. В характере и судьбе этого героя отразилась трагедия человека, «оторвавшегося», как и сам Обломов, от земли. Образ Захара – зеркало, в котором отражается главный герой, *его испытание*, одновременно и «упрек» цивилизации, и критика провинциальной отсталости.

Исследованию разнообразных форм провинциального сознания, этапов его истории посвящено художественное творчество, литературная критика и публицистика Салтыкова-Щедрина («Губернские очерки», «Помпадуры и помпадурши», «Сатиры в прозе», «Невинные рассказы» т.д.). Особое место в изучении социально-психологического феномена русской провинции принадлежит роману «Господа Головлевы», построенному по принципу хроники усадебной жизни семьи Головлевых. Образ провинции окрашивается в романе Щедрина в зловещие тона: перед читателем возникает мир безвременья, духовной пустоты и отчаяния. Историческое время как бы и не существует для героев (оно конкретизировано один раз – это реформа 1861 года), так же, как и все остальные события в роде господ Головлевых выпадают из естественных биоритмов жизни: узы семьи существуют лишь номинально, нет духовной близости между родителями и детьми, остаются бездетными все три сына Головлевых – гибнет целый род.

Помещичья жизнь господ Головлевых представлена в двух ее исторических фазах: эпоха господства Арины Петровны и время Иудушки. Это новый ракурс изображения провинции, появляющийся в творчестве Щедрина. Эпоха Арины Петровны – эпоха созидания и умножения, время Иудушки – время гибели и падения всего помещичьего рода. Именно Иудушка, ограбивший всех и ставший полновластным хозяином головлевских богатств, не выдерживает испытания деревенской жизнью. Несмотря на то, что столетняя жизнь героя не изображена в романе, эффект ее присутствия по-

Русский роман XIX века

стоянно ощущается Поместное существование Иудушки, подчиненное естественному ходу деревенского бытия, согласованного с природным ритмом, постепенно обнаруживает враждебную человеку сущность чиновничье-бюрократической машины, частью которой был Порфирий Головлев. Вместе с тем, Щедрин создает страшный образ нравственного и физического «умертвия», охватившего русскую провинцию. Гибнет на провинциальной сцене Любинька, возвращается без надежды на будущее Аннинька, умирает Арина Петровна, отправляют в воспитательный дом сына Евпраксеи, затягивается паутиной старый головлевский дом, но именно в этой атмосфере и пробуждается вдруг «одичалая» совесть Порфирия Головлева. Оставшись наедине с реальной, а не созданной его словоблудием действительностью, он начинает слушать тишину («Мысли сами собой настраивались на серьезный лад; в сердце не чувствовалось никакого иного желания, кроме жажды безусловной тишины»), «в доме водворилось глубокое, сосредоточенное молчание» (Салтыков-Щедрин, 1988, с. 289). Тишина, замечает Щедрин, почти физически заставила Иудушку ощутить «душевную смуту, почти граничащую с отчаянием», чувство, вызванное пришедшим к нему знанием о страшном прошлом. Порфирий Владимирович (уже не Иудушка) покидает замкнутое пространство дома и выходит на дорогу. Последняя сцена романа символична, как в содержательном, так и в композиционном плане. Герой обретает интуитивное знание о *пути искупления*, но умирает в *нескольких шагах от дороги*.

Провинция в романах Щедрина - не только испытание, через которое проходят герои на пути к осознанию бессмысленности собственного существования, но и историческое предупреждение, прозвучавшее в финальной реплике повествователя «Истории одного города»: «история прекратила течение свое». Образ провинции в «Господах Головлевых» создается Щедриным по тому принципу, который был намечен писателем в «Истории одного города». Неуклонное «умирание» членов головлевского семейства, так же, как и конец Глупова, приобретает символический смысл, ассоциируясь с гибелью патриархально-помещичьего уклада, с вступлением России в новый, буржуазный этап развития.

К середине XIX века русский роман совершает значительную эволюцию в своем отношении к провинции. Если в романах Пушкина, Гоголя, Лермонтова испытание провинцией было своеобразной проверкой нравственного потенциала героя, а провинциальное сознание (часто отождествляемое с простонародным) объявлялось носителем тайны национального характера, то в последующей литературной традиции наблюдается не столько следование ей, сколько в известной степени расширение представления о сущности провинции и провинциального в романах И. Тургенева, И. Гончарова и Л.Толстого. Провинциальное в художественном сознании этих писателей, как пра-

вило, означало стремление героя к естественному существованию, его путь к себе проходил через овладение тайной народной жизни. Другая тенденция в изображении провинции характеризует романы Щедрина и Лескова, а также позднего Достоевского, для которых провинция не ассоциировалась с неким положительным началом русской жизни, являясь зеркалом, не только отражавшим, но и увеличивавшим «кривую рожу» русской действительности.

Не смотря на то, что к 70-м годам XIX века философия провинции в русской литературе претерпевает значительные изменения, можно говорить о некоторых общих приемах выражения феномена провинциального в романе – ведущем жанре второй половины столетия. Во-первых, провинция представлена русским романом как определенный пространственно-временной континуум, для которого характерно иное измерение времени и пространства, чем в столице. В деревенской провинции хронотоп соотнесен с биоритмами «естественного» бытия, испытывающего героев. В структуре повествования это находит выражение в дихотомичности системы образов-персонажей, каждый из них характеризуется совпадением или выпадением из «естественного» бытия.

Во-вторых, неотъемлемой частью образа провинции становится выражение определенного нравственного идеала как возможности, не осуществимой в столичной жизни. Носителем его мог выступать как конкретный герой, так и сама структура повествования, содержащая авторский комментарий сюжетных ситуаций, описания природы, интерьера усадьбы.

В-третьих, провинциальное принимало облик модели жизнеустройства, через испытание которым проходил герой романа. Пространство сознания героя соизмерялось с пространством культурных, нравственных ценностей, сложившихся в определенную систему, и оказывалось или способным понять и принять его, или же поставить непреодолимую преграду между собой и чуждым для него миром.

Открытие романом XIX века мира русской провинции было продолжено романом XX столетия. В творчестве М. Горького, М. Шолохова, А. Фадеева, В. Белова, В. Распутина, Ч. Айтматова, В. Шукшина не столько провинция испытывала героя, сколько герой предъявлял свои требования провинции, изменяя ее. Однако особую актуальность названная проблема приобретает в настоящее время, когда резко обозначился разрыв между столичной и провинциальной действительностью в социальном, политическом, материальном плане. Ориентация столицы на западные принципы гламурной жизни далеки от русской духовной традиции, до сих пор сохраняющихся в русской глубинке. Возрождение провинции, в которой находятся корни национального бытия – задача, которую предстоит разрешить на социально-эконо-

Русский роман XIX века

мическом уровне. Свой вклад в решение проблемы должна внести и современная отечественная литература.

Использованная литература:

Аверинцев, С. С.: Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации. In: Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М. 1986, с. 104–115.

Бахтин, М. М.: Эпос и роман. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. СПб. 2000.

Зенкин, С. Н. : Комментарий и его двойник In: magazines.russ.ru/nlo/2004/66.

Касьян, А. А.: Центризм и регионализм как исследовательские подходы в истории науки. In: Социальные конфликты. Вып. 17. М. 2000, с.53–64.

Кожин, В. В.: Происхождение романа: Теоретико-исторический очерк. М. 1963.

Лотман, Ю. М.: Роман Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий.- Ленинград 1980.

Маркович, В. М.: Тургенев и русский роман XIX века. Л. 1982.

Одиноков, В. Г.: Художественная системность русского классического романа: Проблемы и суждения. Новосибирск 1976.

Салтыков-Щедрин, М. Е.: Собрание сочинений в 10-и т. Т. 6. М. 1988.

Степанов, Б. Е.: Пикник на обочине: опыт характеристики региональной интеллектуальной среды. In: magazines.russ.ru/nlo/2001/50

Тамарченко, Н. Д.: Русский классический роман XIX века: Проблемы поэтики и типологии жанра. М. 1997.

Тургенев, И. С.: Собрание сочинений в 12-и т. Т. 2. М. 1954.

Философия в российской провинции: Нижний Новгород, XX век. М., Наука, 2003.

Фуко, М.: Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. 1994.

Черепанова, Е. С.: Австрийская философия как самосознание культурного региона. Екатеринбург 2000.

